

27. Фатеева, Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – Изд. 3-е, стереотип. – М., 2007.

28. Шмелева, Е. Я. Интертекстуальный тезаурус современного россиянина / Е. Я. Шмелева // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения. Материалы докладов и сообщений международной научной конференции 12–14 дек. 2016 года. – М.; СПб., 2016. – С. 144–146.

29. Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С. Г. Шулежкова. – М., 2002.

30. Baláková, D., Mokienko, V. Nič nie je nové pod slnkom / D. Baláková, V. Mokienko // Slavistična revija. – Letnik 64/2016. – Št. 2. April-junij. – S. 35–46.

31. Čmejrková, S. Reklama a intertextualita aneb Vlasý dělají člověka / S. Čmejrková // Stylistika, 9. – 2000. – S. 117–136.

32. Chlebda, W. Рец. на кн.: Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: изд-во Московского ун-та, 1999. 152 с. / W. Chlebda. // Studia i szkice slawistyczne. Literatura – Kultura – Język. 1 / pod red. W. Chlebdy i I. Światłowskiej-Prędoty. – Opole, 2002. – S. 257–263.

33. Die slawische Phraseologie und die Bibel – Славянская фразеология и Библия – Slovanská frazeológia a Biblia. Kollektivmonographie / red. H. Walter, V. M. Mokienko, D/ Balaková. – Greifswald, 2013.

34. Hoffmannová, J. K charakteristice postmoderního textu / J. Hoffmannová // SaS 53. – 1992. – S. 171–184.

35. Homoláč, J. Intertextovost a utváření smyslu v textu / J. Homoláč. – Praha, 1996.

36. Kraus, J. K problematice institucionálního diskurzu / J. Kraus // Stylistika, 9. – 2000. – S. 103–116.

37. Kristeva, J. Le mot, le dialogue et le roman. J. K., Sēmiotikē. Recherches pour une sēmanalyse. – Paris 1969.

38. Mokienko, V. M. Okřídlená slova v češtině jako jev kulturologický / V. M. Mokienko 1998 // Počta 650. Výročí založení Univerzity Karlovy v Praze. Sborník příspěvků přednesených zahraničními bohemisty na mezinárodním sympoziu v Praze 20–26. srpna 1998. – II. Díl. – Praha, 1998. – S. 247–262

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ДОКУМЕНТНЫХ ТЕКСТОВ XVIII В.²

О. А. Горбань, Е. А. Берестова

1. Научные интересы профессора А. Е. Супруна включали в себя, наряду со многими другими вопросами, изучение закономерностей построения развернутых текстов, в частности их лексической структуры. Ученый видел актуальными такие задачи, как «поиск относительно строгой или размытой иерархии параметров лексической структуры», «совершенствование и уточнение ... способов представления лексических структур», разработку их типологии [Супрун 1993: 12], и в своих трудах представил блестящие образцы анализа лексической организации богослужебных, поэтических текстов на древнеславянском и современных славянских языках [см.: Супрун 2001].

С названных позиций возможно и исследование текстов документов, современных и исторических, которое расширяет проблематику и инструментарий документной лингвистики. Стандартизированность документных текстов, наличие у них формуляра позволяют предположить у них и однотипность лексической структуры, по крайней мере в рамках одного вида (жанра) документа. В данной статье сделана попытка выявить такие типичные черты, установить сходство и различия в лексическом построении текстов региональных документов XVIII в. одного жанра с учетом их содержания и хронологической отнесенности.

2. Нами рассмотрены войсковые грамоты канцелярии Области Войска Донского из архивного фонда «Михайловский станичный атаман» Государственного архива Волгоград-

² Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области, проект № 16-14-34004.

ской области (Ф. 332. Оп. 1): войсковая грамота о розыске беглого, 1735 г. (Ед. хр. 1. Л. 2–2 об.; далее – ВГ-1); войсковая грамота о розыске беглых, 1735 г. (Ед. хр. 1. Л. 3–3 об.; далее – ВГ-2); войсковая грамота о зачете в службу казакам похода под Крым с атаманом Иваном Ханжонком, 1735 г. (Ед. хр. 1. Л. 5–5 об.; далее – ВГ-3); войсковая грамота о розыске и выдаче беглых, 1783 г. (Ед. хр. 78. Л. 42; далее – ВГ-4). Такой отбор материала дает возможность сопоставить документы одного жанра, с одной стороны, созданные в один период, имеющие сходное (ВГ-1 и ВГ-2) или различное (ВГ-1, ВГ-2 / ВГ-3) содержание, и, с другой стороны, созданные в разные периоды, но имеющие сходное содержание (ВГ-1, ВГ-2 / ВГ-4).

Вслед за А. Е. Супруном, лексическая структура текстов войсковых грамот рассматривается в двух аспектах – парадигматическом и синтагматическом [Супрун 2001: 74].

3. В плане **парадигматики** можно отметить как общее в лексическом составе текстов (выбор единиц определенной частеречной принадлежности, лексико-семантических групп и т. д.), так и различия.

С точки зрения представленности частей речи общей чертой всех рассмотренных войсковых грамот является значительное преобладание имен существительных над другими частями речи (32 % от всех словоупотреблений в ВГ-1; 34,6 % в ВГ-2; 33,9 % в ВГ-3; 41,0 % в ВГ-4). Далее в ВГ-1 и ВГ-3 следуют в порядке убывания местоимения, прилагательные, глаголы³, наречия. В ВГ-2 число глагольных словоформ несколько преобладает над именами прилагательными, а в ВГ-4 глагол по численности стоит на втором месте после существительного, превышая количество прилагательных и, еще более, местоимений. Наречие во всех случаях является наименее употребительной из знаменательных частей речи.

Данные наблюдения в целом подтверждают сложившееся в лингвистике мнение об именном характере документных текстов. Однако если рассматривать количественное соотношение лексем, то после существительного на втором месте в текстах стоит глагол: при относительной небольшо-

численности словоупотреблений он более разнообразен лексически, повторяемость в тексте отмечена лишь у отдельных глагольных лексем. В войсковой грамоте конца XVIII в. (ВГ-4) снижение числа местоименных словоформ по сравнению с глаголами и прилагательными, вероятно, может свидетельствовать о возрастании информативности текста, тем более что она значительно уступает более ранним грамотам по объему.

Представленность служебных частей речи в рассмотренных грамотах является однотипной: наиболее многочисленными являются предлоги (они обеспечивают непосредственные связи между словами в предложении, поэтому наиболее «востребованы»), менее частотны союзы и наименее (практически единичны) – частицы. В ВГ-4 частицы не отмечены.

Содержание и функция войсковых грамот в определенной степени обуславливают отбор слов тех или иных лексико-семантических групп (ЛСГ).

Среди имен существительных во всех рассмотренных документах преобладают наименования лиц по социальным признакам (в ВГ-1, ВГ-2, ВГ-3 и ВГ-4 соответственно 16 %, 16,7 %, 12,7 % и 22,5 %). Это названия военных чинов, в первую очередь казачьих (*атаманъ, казакъ, есаулъ, генераль-майоръ, подпоручикъ, сержантъ* и др.), личные имена войсковых и станичных атаманов, должностных лиц, беглых крестьян (*Иванъ Ивановичъ сынъ Фроловъ, Алексей Ивановичъ Иловайский, Симеонъ Каганинъ, Шарфъ, Василий Мазуринъ* и др.), наименования лиц по их должности (*начальникъ, комендантъ*), роду занятий (*чумака, извозчикъ*), социальному сословию (*крестьяне*), этикетные обращения и титулы (*господинъ, величество, превосходительство*). Сюда условно можно отнести и наименования воинских частей как групп людей (*войско* и *полкъ*). В грамотах говорится прежде всего о действиях людей, а также называются адресант и адресат документа (издающий распоряжение и исполняющий его).

Встречаются во всех грамотах наименования населенных пунктов, в которых происходят описываемые события, куда адресуются документы и где они создаются (*станция, хуторъ, Черкасский/Черкасскъ*), единиц времени, включая

³ Причастия и деепричастия рассматриваются нами как глагольные формы.

названия месяцев, обозначающие даты тех или иных событий, даты создания документов (*день, годъ, августъ* и под.); номинации самих документов (*грамота, указъ, доношение* и др.), географических объектов, как правило рек (*Донъ, Хоперь*). Возможно также употребление наименований учреждений (*канцелярия, присутствие* и нек. др.).

Названные лексические группы тематически очерчивают сферу функционирования войсковых грамот – управление Областью Войска Донского как административно-территориальной единицей Российской империи, обеспечивают точность передаваемой информации. В этих группах слов можно выделить ключевые лексемы, которые не только представлены во всех текстах, но и неоднократно в них повторяются: *атаманъ, казакъ, войско, станица, грамота*. Представлено во всех текстах и слово *печать*; его употребление в каждом тексте единично, но обязательно, так как подтверждает наличие на документе печати, придающей ему юридическую силу. Остальные лексические единицы перечисленных групп в текстах распределены по-разному.

Особо необходимо выделить отглагольные существительные, семантику которых целесообразно характеризовать через значение производящих слов, относящихся к ЛСГ глаголов речевой, социальной деятельности, движения, социальных отношений. В совокупности они составляют 2,9 %, 10,5 %, 9,5 % и 5,3 %, следуя по численности за наименованиями лиц. Употребительность отглагольных имен обычно рассматривают как черту делового стиля, значимость которой все более возрастает с сер. XVIII в. [Виноградов 1982: 450]

Отмечены также лексико-семантические группы, встречающиеся лишь в отдельных документах. Например, из трех грамот, связанных по содержанию с розыском беглых, в ВГ-1 дается распоряжение о розыске и поимке конкретного лица, сообщается о совершенной им краже и даются особые приметы, что обусловило использование слов, обозначающих денежные единицы, предметы быта, внешние характеристики и части тела человека (*сундучокъ, деньги, рубль, ростъ, волосы, носъ*).

Местоимения в рассмотренных текстах представлены такими разрядами, как личные, указательные, определи-

тельные, притяжательные, неопределенные, возвратные, просятельные, относительные. Из них встречаются во всех грамотах и наиболее употребительны указательные местоимения (*сей, оный, тотъ*) и, с меньшим удельным весом, определительные (*весь, всякий, таковой*). Указательные местоимения, отсылая к существительным в предыдущем контексте, обеспечивают связность текстов; кроме того, в сочетании с уже названным существительным они способствуют реализации такого свойства документов, как точность (например, выражения *онои подполковникъ шарфъ* и под. подчеркивают, что это именно то лицо или предмет, о котором шла речь выше); такая функция обуславливает активное использование данных единиц.

Что касается личных местоимений 1 и 2 лица мн. ч., 3 лица ед. и мн. ч., а также притяжательных местоимений, указывающих на принадлежность 1, 2 или 3 л., то они широко употребительны в текстах сер. XVIII в. и не отмечены в документе к. XVIII в. Местоимения *мы, вы* и *нашъ, вашъ* указывают на адресанта (войсковое правительство, выступающее от имени всего Войска) и адресата (атаман/атаманы и казаки одной или нескольких станиц) грамоты, выражая коллегиальность управления Войском, принятия решений и т. д., и реализуют категорию субъектности. В грамоте XVIII в. субъектность как личностное содержание документа, вероятно, ослабевает, что можно считать реализацией общей тенденции развития документных текстов.

Употребление остальных местоимений варьируется и связано с особенностями индивидуального содержания текстов.

Лексический состав прилагательных достаточно разнообразен. Из них можно выделить в качестве ключевых слов прилагательные *донской, войсковой, станичный*, обозначающие признак предмета по отношению к географической области (территории вокруг реки Дон и его притоков – месту расселения донского казачества), к воинской части или объединению частей (объединению казачества как военного сословия), к отдельному казачьему поселению. Они неоднократно встречаются во всех документах и выражают не только пространственные характеристики, но и статусные (*донской* указывает на отличительный признак самого

войска, *войсковой* – на более высокий статус по отношению к станичному, на значимость принятого решения, изданного документа и т. д. для всего войска). Остальные лексемы варьируются в зависимости от содержания документа. Например, единичны случаи употребления качественных прилагательных со значением размера, цвета, формы и нек. др. при описании внешних примет разыскиваемого беглого в ВГ-1.

Глаголы, используемые в текстах войсковых грамот, относятся к ЛСГ перемещения (*бежать* и др.), речевой (*писать* «сообщать письменно» и др.), социальной (*учинить*), созидательной (*писать*), интеллектуальной (*приговорить*, *определить*) деятельности, социальных отношений (*предписать*), физического воздействия на объект (*поймать*), бытия (*жить*), владения (*иметь*). Их употребление зависит от содержания конкретного документа, но можно выделить общие закономерности и постоянные элементы лексической структуры текстов. Так, во всех грамотах представлены и в целом преобладают глаголы речевой деятельности (*объявлять* «официально сообщать», свидетельствовать, отвечать «отвечать» и др.) и перемещения (*послать*, *выслать*, *привезти*, *получить*, *сойти*, *прийти*, *явиться* «прийти» и др.). Они встречаются в ссылаках на поступившую информацию, в требовании передать ту или иную информацию, в сообщениях о побеге, об отсылке должностных лиц с поручениями, отправке документов. Постоянными в текстах ВГ-1, ВГ-2 и ВГ-3 являются словоформы *объявляемъ* и *писана*: первая вводит их основную содержательную часть, вторая фиксирует место и дату создания документа. В ВГ-4 обе единицы отсутствуют.

Предлоги отмечены в пространственных и непространственных значениях. Из них можно назвать наиболее употребительные *въ*, *отъ*, *къ*, *по*; представленность предлогов в текстах варьируется, за исключением тех, которые используются в устойчивых формулах, о чем скажем ниже.

Среди союзов по количеству употреблений существенно преобладают сочинительные (соединительные *и*, *да*, противительный *а*), однако подчинительные союзы разнообразнее по составу: они выражают семантику цели (*дабы*,

чтоб), времени (*егда*, как «когда»), условия (*ежели*) и нек. др. Чаще встречаются союзы со значением цели при изложении действий, предписываемых адресату. В ВГ-4 представлен в основном союз *и*, два раза отмечен *а*, один раз – изъяснительный *что*. Необходимо отметить такую характерную особенность текстов сер. XVIII в., как использование начинательных союзов *и*, *а*, которые выполняют связующую функцию и отражают традиции построения повествовательных текстов в предшествующие периоды истории языка. В грамоте к. XVIII в. такие союзы уже не употребляются.

Частицы в текстах немногочисленны: *де* (используется при передаче чужих слов и ссылке на содержание других документов), *же* (выражает идентичность информации), *бы* (употребляется при изложении предписываемых действий), *ли* (передает косвенный вопрос, например, для выяснения информации в ходе следствия о розыске беглых). В ВГ-4 частицы не отмечены.

4. **Синтагматический аспект** лексической структуры текста проявляется в лексических повторах, сочетаемости, распределении слов по тексту и других параметрах, каждый из которых требует специального рассмотрения [см.: Супрун 2001: 74]. Остановимся на некоторых из них.

Распределение слов по тексту документа определяется в некоторой степени его формуляром, фиксирующим набор лексических единиц и их место в структуре текста, и композицией.

Формуляр войсковых грамот включает начальную и конечные формулы, которые можно соотнести с реквизитами документа (адресант, адресат, место, дата, наличие печати), устойчивые обороты, используемые для выделения композиционных частей текста (грамоты содержат так называемую мотивирующую часть и предписательную, или распорядительную).

Начальная формула выглядит следующим образом: *От Донских атаманов и казаков от войскового определенно до указу атамана Ивана Ивановича сына Фролова и от всего Войска Донского по Хопру от Букановской до Михайловской станицъ станичнымъ атаманомъ и казакамъ*

объявляемъ⁴ (ВГ-1). Здесь употреблены практически все выделенные нами ключевые слова – *донской, войсковой, станичный, атаманъ, казакъ, войско, станица*, маркирующие отнесенность содержания и функционирования документа к Области Войска Донского; имена собственные называют войскового атамана и географические объекты, населенные пункты на территории Войска; предлог *от* с последующей падежной формой выражает семантику адресата, предлог *по* в сочетании с падежной формой косвенно ограничивает круг адресатов – атаманов и казаков станиц вдоль одной из рек, а комбинация предлогов *от* и *до* в соответствующих предложно-падежных конструкциях определяет «диапазон» этих станиц; глагольная словоформа *объявляемъ* вводит мотивирующую часть документа, в которой излагаются события, послужившие основанием для принятия управленческого решения.

Распорядительная часть в данной грамоте отделяется от предыдущей словоформой *предлагаемъ*.

Заканчивается документ формулами: *и какъ сия н(а)ша воисковая грамота вами которои станицы атаманомъ и казаками получена будетъ и вам бы чинить по вышесанному непременно писана в черкасскомъ 1735 году генваря 17г(о) дня; далее следует приписка лица, поставившего печать: у сеи грамоты н(а)ша воиска донскаго печать*. Здесь также представлены ключевые слова *войсковой, станица, атаманъ, казакъ, Черкасский*, «привязывающие» содержание текста к Области Войска Донского (в некоторых случаях лексически выражена оппозиция *донские – великоросииские*), Черкасский указывает также на место создания документа (реквизит «место»); *грамота*, номинирующее сам документ; *год, день*, наименование месяца как обязательный компонент, который, однако, лексически варьируется (реквизит «дата»); *печать* (подтверждает наличие реквизита «печать»).

⁴ При цитировании источников выносные буквы приводятся в строке; титла раскрываются, при этом восстановленные буквы заключаются в круглые скобки; иные надстрочные знаки не воспроизводятся; предлоги, союзы и частицы передаются в раздельном написании с последующими или предыдущими словоформами; вышедшие из употребления буквы передаются буквами современного алфавита; имена собственные пишутся с прописной буквы; в остальном сохранена орфография оригиналов.

Названные устойчивые элементы текстов создают своеобразную «рамку», определяя сходство лексических структур грамот и позволяя говорить об их однотипности (хотя и не одинаковости). Сходство поддерживается также устойчивыми комбинациями ключевых слов, которые в ВГ-1, ВГ-2 и ВГ-3 неоднократно повторяются по всему тексту: *Войско Донское* (целостное наименование объединения воинских частей), *атаманы и казаки* (наименование единого управляющего субъекта либо единого адресата), *донские атаманы и казаки* и *станичные атаманы и казаки* (указания на статус субъекта и адресата), *войсковая грамота* (самоназвание документа); в ВГ-4 они представлены в начале и конце документа.

На фоне общих компонентов лексических структур грамот можно отметить варьирующиеся составляющие.

Возможно варьирование лексического состава самих устойчивых формул. Это в первую очередь личные имена и наименования чина, местонахождения адресанта (*алексея иловаиского* – ВГ-4) и адресата (*по Хопру в Михайловскую станицу станицному атаману Симеону Каганину и казакам* – ВГ-2; *г(о)с(по)д(и)ну полковому есаулу Кирсану Волошинову* – ВГ-4). Изменилась со временем конечная формула в ВГ-4: название *Черкасскъ* и наименования единиц времени как реквизиты «место» и «дата» употребляются самостоятельно, а не в составе предложения, соответственно, утрачиваются типовые глагольная словоформа *писана* и конструкция с предлогом *въ*; в приписке хранителя печати не используется местоимение *наша* (*войска донскаго печать*), эксплицирующая субъект текста.

В наибольшей степени варьируется лексическая структура основной части текстов, что связано в первую очередь с их содержанием. С одной стороны, как отмечалось выше, наблюдается общность лексико-семантических групп слов; с другой стороны, различаются отбор конкретных единиц, их последовательность.

Рассмотрим в качестве примера употребление глаголов в ВГ-1 и ВГ-3, созданных в один период, но посвященных разным событиям. Глаголы, особенно в функции предикатов, играют важную роль в организации текста, создавая событийный

каркас его содержания. Специфика «развития предикатного смысла» отмечалась А. Е. Супруном [Супрун 1989: 115].

В начале текста войсковой грамоты о розыске беглого (ВГ-1), где излагается ситуация, послужившая основанием для принятия решения, преобладают глаголы речевой деятельности, например: ...**объявляемъ** сего 1735 году генваря 16 дня **писал** к нам... Это продиктовано формуляром документа – необходимостью в начале сообщить, кто, когда и по какому поводу пишет. В середине текста расположены почти все глаголы движения, социальной и интеллектуальной деятельности, социальных отношений, физического воздействия на объект: сего де генваря 1 дня в ночи из оногo полку бежал и украл...; ...подполковникъ Шарфъ **требовал** дабы... было о сыску **означенного** извоицка Мазурина предложено...; егда **означенной** беглой извоицкы Мазуринъ в которой станицы **явитца** то б вамъ атаманомъ и казакамъ какъ возможно **поимаеъ** ево прислать под караулом... Здесь излагается проблема и предлагается ее решение. Почти все глаголы перемещения объекта расположены в последней части текста, в которой выносятся резолюция о том, как поступать с данным казаком и другими беглыми: ...таковых вамъ атаманомъ и казакамъ лова **высылать** под карауломъ по преждепосланнымъ н(а)шимъ грамотамъ...; а к намъ о томъ куды оные **высланы** будутъ и кто они таковы и откул и чьи з(о)с(у)д(а)ревы или боярския люди **присылать** ведомости безъ упущения...

Для сравнения обратимся к войсковой грамоте о зачете в службу казакам похода под Крым с атаманом Иваном Ханжонком (ВГ-3). Здесь преобладают глаголы интеллектуальной деятельности: *определенного, причтетца, приговорили, зачитат*. Далее по частотности следуют глаголы владения: *предъявлено, получите*; речевой деятельности: *объявляемъ, описывают* (сообщение); социальной деятельности: *чинить, исполнять*; созидательной деятельности: *писанному, писана*. Глаголы социальных отношений требовано, перемещения объекта посланы употреблены в единичных случаях. В начале текста глаголы употреблены в устойчивой формуле: ...от войскового **определенного** до указу атамана Ивана Ивановича... и казакамъ **объявляем**... В основной части документа равномерно распределены словоформы глаголов

интеллектуальной деятельности: ...кои в томъ походе были за службу или поход **причетца**...; ...того ради **приговорили** мы...; ...кои в том камандровании были **зачитат** за поход... В заключительной части текста глаголы используются в устойчивой формуле: ...войсковыя грамоты и приказы **полсаны** и какъ вы которою станицею сию н(а)шу войсковую грамоту **получите** и вам **чинить** по **вышеписанному** непременно **писана** в черкасскомъ...

5. Рассмотренный материал показал, что лексическая структура текстов войсковых грамот представляет собой динамическое явление. Динамика наблюдается как в плане синхронии (варьирование компонентов формуляра, различия в выборе и последовательности лексических единиц, связанное с содержанием текста), так и в плане диахронии (изменение сущностных свойств документов, формуляра отдельных видов, эволюцией языковых средств их реализации и т. д.).

Изучение лексической структуры документных текстов, современных и исторических, с позиции подходов, предложенных профессором А. Е. Супруном, позволит выявить жанровую специфику документов, уточнить типологию документных систем в их эволюции и решить ряд других актуальных вопросов документной лингвистики.

Литература

1. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. / В. В. Виноградов. – М., 1982.
2. Горбань, О. А. Региональные документы XVIII века: аспекты лингвистического описания / О. А. Горбань, Е. М. Шептухина // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. – 2013. – № 3(19). – С. 76–84.
3. Супрун, А. Е. Исследования по лингвистике текста: сб. статей / А. Е. Супрун. – Минск, 2001.
4. Супрун, А. Е. К лексической структуре древнерусского текста (на материале Слов Кирилла Туровского) / А. Е. Супрун // Probleme der Textlinguistik. Проблемы лингвистики текста: Gemeinschaftsarbeit von Wissenschaftlern der Partneruniversitäten Bochum und Minsk. – München, 1989. – S. 101–126.
5. Супрун, А. Е. Лексическая структура стихотворения Б. Л. Пастернака «Нобелевская премия» / А. Е. Супрун // Studia Slavica Savariensia. – 1993. – № 1. – С. 3–12.